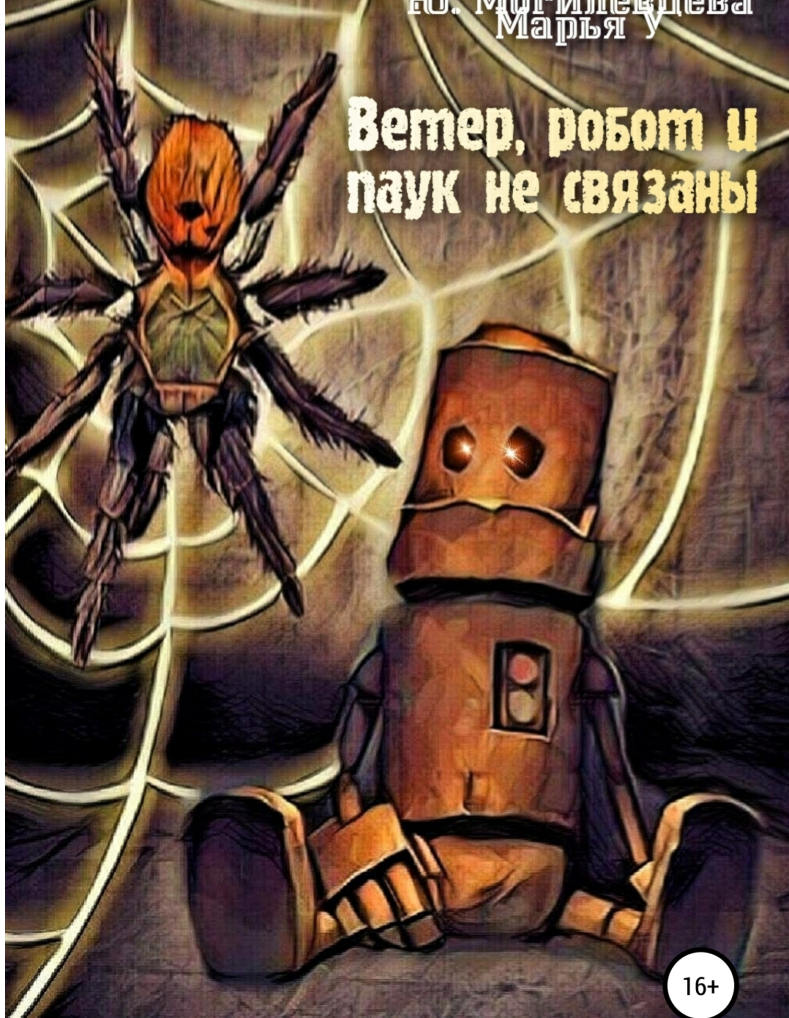

Ю. Могилевцева
Марья У

Ветер, робот и паук не связаны

16+

Юлия Могилевцева

Марья У

Ветер, робот и паук не связаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64247293

SelfPub; 2021

Аннотация

Люди верят, что если сменить имя, работу и место жительства, то начнется новая жизнь, в которой тебе непременно повезет. Но действует ли этот земной закон за пределами планеты?

Марья У, Юлия Могилевцева Ветер, робот и паук не связаны

Не такой дальний космос...

Пролог

Выбрана папка: «Выписки из бортового журнала». Файл: «Орбитальная станция Веган-6»...

25.07.2171. Нашёл душевую кабинку. Хотел установить. Теперь у меня нет душевой кабинки. Сломал трубку для дыхания. Сделал скол на пластике. Поскользнулся и отбил локоть. До смерти напугал Жоржа. Сидим оба обиженные: он – с лысым брюхом, я – с ног до головы в его шерсти, как Чубакка. Он так делает, когда думает, что его размеренной жизни что-то угрожает. То есть почти всегда, когда я рядом. Волосатое чудовище! Это я про него. Хотя из космоса нас сейчас не отличить. Помыться бы. И локоть саднит. Наверное, сантехник – это не моё. Завтра попробую снова.

27.07.2171. Вчера вышел в открытый космос, начался дождь из мусора. Так торопился вернуться обратно, что ударился об крышу люка. Хорошо, что во лбу кость.

28.07.2171. Или весы сломалось, или я умудрился поху-деть. Семьдесят один килограмм в одежде, блин. Бег – это прикольно. Почти перестали трястись складки от подмышек до колен.

5.08.2171. Прошло полторы недели. Я починил душевую кабинку и сделал снизу рабочий «пылесос». Только оторвал распылитель водяной пыли.

7.08.2171. Сегодня мой робот вырубился. Включается и сразу «офф». Думал всё, аут. Придётся бухать наедине с фантазией. А это такое, не для всех. Полистал инструкцию, узнал много новых слов, расстроился. Решение оказалось простое: взял другой HDMI-кабель, благо у него их два. На втором он, кажется, собирался повеситься. Ну ничего, бракованный для этого тоже подойдет. Короче, подсоединил и вуаля – я снова весь довольный и с пивом. С – смекалка... ну и, по ходу, В – везение.

9.08.2171. Терпеть не могу правильное питание. Но вот, разморозил овощи. Они были покрыты инеем, так что не разобрать, что там было. Оказались баклажаны. Пришлось

готовить. Под ледяной спирт Семиколона, да с горчичкой. В принципе неплохо.

10.08.2171. Дошла очередь до туалета. Это не краска, а гидроизоляция. Хотя прикольно. Чтобы на время отсечь долбаную плесень. Всё залито несмываемым гелем: пол, стены, потолок, робот, – и теперь пахнет лишь им. Завтра покрашу всё, и годик два оно продержится... наверное.

13.08.2171. Два года назад я прожёл себе указательный палец. Был август. Год назад я сломал на той же руке уже безымянный палец. Был снова август. В этом году я решил не ждать августа и предупредительно повредил ногу. Зато нашёл Жоржа! По идее, целый год должен пройти без травм, а в августе нужно быть осторожным. Дроиды в медицинском модуле меня узнали. Спросили, почему с рук я перешёл на ноги.

***

– Вы путешествуете со своим пауком? – агент на стойке регистрации вскинула зеленые кошачьи глаза.

– Да, это Жорж, – мужчина поставил пластиковую коробку на стойку. Под лампой, в золотистом свете, что-то шевелилось, мерцало: пушистое, красно-жёлтое с выпуклыми костяными коленками и твердым недвижимым тельцем.

До старта оставалось еще два часа, но он прибыл в космо-

порт загодя, чтобы не опоздать, так как опоздание в последнее время стало его пагубной привычкой. Тут медлить было нельзя. Эта новая работа – самое долгожданное событие за последние десять лет его жизни. Если не за всю жизнь.

Джон Полушкин еще недавно был вполне нормальным себе Женей, пил водку и смотрел футбол по выходным. А ещё платил огромные алименты бывшей жене, ипотеку за квартиру, которую она отсудила, штрафы за просрочку того и другого, налоги и большую арендную плату за крохотную комнату в коммуналке или общежитии, кажется, так бы это называли в двадцатом веке – доподлинно не известно. По факту это был боксблок с тремя душевыми, пятью писсуарами и парой кабинок, рассчитанный на пятнадцать половозрелых мужчин. Еду в боксблоках употреблять было запрещено, и Джон часто ужинал пивом, представляя огромный, блестящий жиром говяжий стейк или утиную запеканку, которую готовила по выходным мать.

Измученный перманентным отсутствием денег и напрочь запиленный бывшей женой, Женя сменил имя, в надежде, что оно принесет ему удачу, подал свое резюме во все околоземные рекрутинговые агентства и вскоре получил распределение на наблюдательную орбитальную станцию Плутона Веган-6. Колесо удачи закрутилось.

Веган был древней металлической посудой с искусственной атмосферой и планово восполняемыми ресурсами, тогда как станции последней модели были уже полностью

автономны и не требовали заправки водой, кислородом и восстановленным дирадием. Дирадий открыли сто лет назад, его нашли под шумерским поселением, куда упал метеорит. Небольшой цилиндр этого мощного изотопа питал не только все системы космической станции, но и вполне был способен снабжать энергией целый город. Веган-6 не была исключением и работала за счёт маленького, отливающего голубым кристалла, драгоценного, в темных прожилках, похожего на крылья кампучийской бабочки. Раз в месяц его заменяли на новый, а продукты распада свозили в большую яму на Стиксе.

Станция постоянно нуждалась в ремонте, поэтому бригады универсальных рабочих: электриков, сантехников и сервисных инженеров в одном лице работали там вахтовым методом.

Джон был не просто рабочим. Он закончил филиал Марсианской Электротехнической Академии и получил бы ученую степень, если бы не жизненные сложности и неудачи. Стипендия кандидата наук едва покрывала плату за жилье, а эпизодические подработки не позволяли выплачивать все долги вовремя.

К тому же, у Полушкина осталось единственное в мире живое существо, которое, по его словам, беззаветно любило своего хозяина, – ангорский паук Жорж. То было потрясающей красоты животное: орнамент огненно-рыжего брюшка был похож на татуировку воинов, которые с колчаном и

стрелами, голые, на избитых ногах, много веков назад выходили на охоту.

Комендант неоднократно пытался оштрафовать Джона за содержание домашних животных, что возбранялось уставом боксблока, но тот оправдывался, апеллируя тем, что паук – это вовсе никакое не животное, и стыдно такому уважаемому человеку не знать курс земной биологии. В биологии сам Полушкин был слаб, но вид имел уверенный, поэтому комендант, едва закончивший базовые пятнадцать классов, не решался спорить с человеком без двух минут с ученой степенью.

Когда пришёл положительный ответ со станции, все вздохнули с облегчением: и сам Джон, и комендант, и бывшая жена, и, кажется, даже паук. Вещей у Полушкина оказалось немного: транспортировочный гермотеррариум для Жоржа с портативным изолированным кислородо- и водогенератором на водорослях и сухие прессованные мясные брикеты марки «Доши-доши», одного из ведущих мировых поставщиков каучуковой еды для холостяков и путешественников на дальние расстояния, а также собак, кошек и, безусловно, пауков.

Так, с гермотеррариумом в одной руке и чемоданом в другой, учёный, считанные минуты до степени которого бежали теперь в обратном направлении, разместился в каюте беспилотного пассажирского межпланетного лайнера Гефест.

Путешествие длиною в два с половиной месяца прошло

без происшествий, если не считать сломанный автомат с напитками, в который Джон вместо карты засунул проездной на пневмопоезд. Документ немного не подходил по размеру картоприемника, но Полушкин был упорным и всегда добивался своего. Надо ли говорить, что пиво он получил бесплатно, просто посильнее стукнув по автомату рукой. Рука же оказалась не такой крепкой, как проездной, и Джон провёл оставшиеся два месяца, неделю и шесть дней в полном покое.

Еду ему приносили прямо в каюту, а перед этим юрист-консульт корабля, приземистый мужичок с крючковатым носом и тонкими бледными губами, долго извинялся перед пострадавшим за «слишком твердые поверхности оборудования лайнера». С тех пор Полушкин каюты не покидал, наблюдая за тем, как иссыхается, мох в гермотеррариуме, как Жорж поедает помещенные туда запасы, как искрами загораются и гаснут звезды, когда Гефест выходит из гиперпространства. Наногипс сняли как раз перед самым прибытием на станцию.

Веган-6 предстала перед ним смугло-коричневой, с огнями, дрожащими среди бесчисленного множества светил. Кольчуга обшивки полнела от накопившейся влаги, металлически блестела словно после дождя. Антенны струились стальными ручьями, на них горели фонарики: желтые и малиновые, как испуганные глаза зверьков.

– Ваши документы: универсальное удостоверение лич-

ности, направление на работу, регистрация... – На входе встречал странный робот золотого цвета, как из «Звездных войн», только более угловатый, корпус его был сварен наскоро, неровные швы топорщились, отчего конструкция казалась ненадежной и неприятной на ощупь. Внутренние механизмы крепились такими же блестящими металлическими клепками, не везде прилегающими вплотную, – права на управление воздушным катером, удостоверение электрика космических объектов, диплом об образовании, генетическая медицинская карта... – продолжал перечислять робот, пока отвыкший от активных движений Полушкин его тщательно разглядывал, – родословная до седьмого колена, справка с предыдущего места работы, справка от невролордантиста, справка из ДЖЕКа, справка... – не унимался этот позолоченный дознаватель.

– Откуда справка? – нахмурился Джон, и брови и лоб его образовали причудливые дуги, напоминающие алгебраическую степенную функцию.

– Из ДЖЕКа. А вы не брали?! – речевой аппарат робота почти перешел на визг. Это было очень похоже на проявление эмоций, коего у роботов Полушкин никогда не видел. – Департамент Жилищного Единого Конгломерата. Справку о переезде на другую планету. По бланку Е-380-Г, то есть в пределах Солнечной системы галактики Млечный путь.

– А разве можно переехать в другую галактику или звездную систему? – еще больше удивился Полушкин, и функция

на его лбу из степенной изогнулась в квадратическую.

– Пока нет, но бланки уже разработаны и утверждены, – стабилизировал голосовой имитатор робот. – А что у вас в чемодане? Личные вещи? И документы на домашнее животное, будьте добры, предъявите!

– Это не... – Джон по привычке хотел вступить в пустую полемику о классификации членистоногих, но мысль о том, что придется предъявить еще не один десяток справок слегка охладила его пыл.

– Так что у Вас в чемодане? – повторил робот, и в его голосе начали проступать металлические нотки. «Как забавно», – подумалось тогда Полушкину.

– Там корм для Жоржа, – он приподнял слегка запотевший гермотеррариум и предъявил его для инспекции. – Сверчки домовые стерильные. И белковые брикеты: индейка и немного курицы. Курицу он не очень жалует, – с нежностью принялся рассказывать он о своем питомце.

– Веган-6 – веганская станция. Провоз мяса на ее территорию считается контрабандой. Впрочем, поднимите подбородок. Чуть выше. – Не успел Джон задрать голову вверх, как металлический истукан приставил за ухо холодный, как просторы Плутона, пневмошприц и со всей, своей двоичной силы вогнал туда чип, дублировавший все бумажные документы, положенные при заселении на станцию. – Это усовершенствованная модель: гибрид наночипа с данными и «торпеды», которую в прошлом веке вшивали алкоголикам...

– Это я теперь в трезвенники заделался, что ли? – возмутился Полушкин.

– Упаси вас дух Целерона и преподобного Атлона, – всплеснул руками робот. – Вы всего лишь больше никогда не сможете есть мясо.

– Значит, пить можно? – в голосе его проскользнуло легкое беспокойство.

– Старожилы говорят, – робот наклонился совсем близко к его уху и заговорщически шепнул: – по-другому тут не выжить. Семиколон. Рад представиться.

– Каких семи колонн? – поежился Полушкин, будто шепот щекотал ему шею.

– Семиколон. Меня так зовут, – он протянул правую руку для приветствия. На запястье с внутренней стороны грубый сварной шов напоминал точку с запятой и выделялся особенно отчетливо, не неся никакой конструктивной нагрузки, и, скорее всего, являлся, заводским браком. Заметив, как вновь прибывший разглядывает этот досадный дефект, робот поспешил пояснить: – Тату. Я очень особенный и это отражение моих внутренних порывов и стремлений. Жаль, что на фабрике не было черной краски. Ведь в душе я эмо... Мы все когда-нибудь умрем, – обреченно подытожил он.

– Очень жизнеутверждающе, – отозвался Полушкин. – Только роботы не умирают.

– Много ты знаешь о роботах! – оскорбился Семиколон, осторожно сжимая тонкие, чуть кривоватые пальцы своей

золотой изящной клешней. – Мы все хотим умереть, ведь мы не просили, чтобы нас изготавливали и заставляли влечить эту жалкую, бессмысленную жизнь.

– Я знаю, что ты должен подчиняться Законам роботехники Азимова, а значит, и хотеть умереть не можешь, – безапелляционно заявил Джон, растирая покрасневшую от крепкого рукопожатия кисть.

– Великий Атлон, каждый робот уникален и должен иметь возможность желать смерти так страстно, как ему этого захочется. Я подам на Вас в суд за дискриминацию роботов, их прав и свобод!.. Давайте сюда Ваш чемодан и емкость с членистоногим пушистиком, – он выхватил из ослабевших человеческих конечностей весь багаж и бодро зашагал по коридору. – Следуйте за мной, я покажу ваш боксоблок. Курить можно только внутри, герметизировав дверь.

– Странно как-то: мясо есть нельзя, а пить и курить можно. – Голос звучал приглушеннее, чем в общем зале. Обшивка была мягкой и существенно поглощала звуки.

– Ничего странного не вижу. Мы – веганская станция. Чтобы не пить и не курить, вам надо было брать направление на ЗОЖ-54. Они там даже калории считают. И зарядка по утрам, даже если выходной. Мы пришли. Боксоблок номер двести восемьдесят шесть. Отдельный санузел, веганский холодильник и эргономичный матрас из переработанных отходов – мечта любого человека.

– Ты тоже не очень-то разбираешься в людях, да? – ух-

мыльнулся Полушкин.

– Когда меня собирали, питание отключилось. Вселенная не хотела, чтобы я появился на свет, и я обречен на вечные муки, – робот, как умел, придал своей физиономии страдальческий вид. – Ваш чемодан. Так зачем вам так много вещей? Униформу выдают целых четыре комплекта. По моим наблюдениям, даже женщины не привозят с собой столько нижнего белья.

– Я же сказал, там корм для Жоржа. А мое нижнее белье – на мне. Вот, двое плавок и три пары носков, – он потянул вверх правую штанину, и из-под нее показались разноцветные резинки, торчащие одна из другой.

– Охотно верю, остальные предметы гардероба можете не показывать, – Семиколон покосился на молоденьких девчушек, оживленно щебетавших в конце коридора, чьим вниманием явно завладел прибывший холостой, где-то даже симпатичный и молодой человек.

Джону всю ночь снилась свиная рулька с пивом, ради которой он когда-то бросил бросившую его жену и переехал в Баварию. Его организм сопротивлялся веганским настройкам чипа и перемежал в его фантазиях свиную ляжку с вполне человеческой женской, и когда белые ровные зубы, с которых капала, натягиваясь тонкой ниточкой, слюна, вгрызались в нежную хрустящую корочку, на блюде вместо свинины оказывалась соблазнительная обнаженная девушка, кричащая от боли и истекающая кровью.

От испуга он просыпался, переворачивая мокрую подушку сухой стороной, а затем засыпал, чтобы в своих кошмарах вновь вгрызаться то в томленное на огне мясо, то в живую плоть.

Смена начиналась в восемь утра, и, пробудившись за пятнадцать минут до выхода, Полушкин успел только натянуть на себя униформу и почистить зубы. За пультом он откровенно клевал носом. Сперва нужно было перепроверить журналы с показателями, скрупулезно записанными предыдущей бригадой. Уткнувшись носом прямо в переплет и проведя так несколько часов, он счел, что изучил динамику показателей достаточно внимательно, лишь иногда прерываясь на храп. Свой бесцветный соевый бифштекс с листьями лагука и брокколи он заглотил, даже не почувствовав вкуса. Кофе, впрочем, ненадолго взбодрил измученный организм, и мозг заботливо подсказал, что данные с приборов все же надо записать. Проставив наобум цифры в колонках, он отправился в энергетический отсек, чтобы заменить кристалл дирадия, бегло просмотрев инструкцию по технике безопасности. Спустив жидкий азот из камеры охлаждения, он достал уставший элемент, поместил его в контейнер для транспортировки, быстро затолкал новый кристалл, захлопнув с размаха крышку, и побежал сдавать смену.

С чувством выполненного долга Джон спустился в жилой отсек. Устав после тяжелых трудовых двадцати минут в энергетическом отсеке, он решил смыть с себя радиоактивную

пыль в звуковом душе.

На современных станциях воду давно заменил ультразвук, и в герметичной кабинке можно было отмыть себя до скрипа без единой капли. Но Веган-6 была старой станцией, и звуковой душ тут значил нечто совсем иное. Посреди небольшого санузла располагалась потемневшая толстая металлическая ванна с двумя кранами-вентильями, с потолка нависала выпуклая душевая лейка, напоминавшая своей конструкцией дуршлаг.

Он достал из банного набора тюбики, свинтил крышечку и заостренным концом штопора проткнул металлическую фольгу. При легком нажатии из тюбика показался мягкий полосатый червячок и слабо запахло цветами. Джон повернул по часовой стрелке барашек с синей буквой «С», чтобы для начала умыться холодной водой. Но с потолка не пролилось ни капли. Внезапно заиграла американская народная классическая музыка в стиле кантри. Тогда он проделал то же самое с красным краном, обозначенным буквой «Н», ожидая хотя бы тоненькую струйку горячей воды, выкрутил вентиль на полную, но вместо нее в уши полился хеви-металл вперемежку с утонувшими на этом фоне кантри. Дернувшись от испуга, Полушкин ударился головой об имитацию кафеля на стене и упал в ванную. Из дуршлака на потолке внезапно хлынула теплая вода – сенсоры на дне ванной считали температуру тела и подобрали оптимальный режим.

Он пришел в себя, когда вода стала холоднее и прерыви-

сто капала прямо на темечко. Попытался встать, но вновь потерял равновесие, поскользываясь и вырывая болты, которыми, казалось бы, намертво была прикручена к полу эта ржавая вещица.

Попытка Полушкина помыться, как говорили в древности, накрылась медным тазом, ну, или в этом случае, ванной из непонятого сплава огромной плотности. Уже лежа под чудом сантехники, Джон услышал звук, похожий на взрыв. Ванна заерзала по полу, терзаемая ударной волной, а он, чувствуя себя бобслеистом, намертво вцепился в боковые ручки.

Полушкин выбрался из-под зловещего сумрака стальной конструкции. Вокруг было холодно и темно. Тепло исходило через щели в многослойной обшивке, трещины в урезанных конусах модуля. На пол обрушился вафельный лист теплоизоляции.

– Вы чё, охренели там??? – воскликнул Джон, кинувшись в свой боксоблок.

Он пробрался через железные обломки в рваный лаз, проломленный взрывом. Наклонился над искорёженной переборкой люка, словно скомканным ударом ураганного ветра куском картона. К одному из болтов, чудом уцелевший, прицепился испуганный сверчок. Террариум был перевернут, Жорж пропал.

Коридор между модулями загорелся вдруг нежным голу-

бым светом. Джон подошёл к иллюминатору, вжался в приятную прохладу стекла, но не увидел ничего, лишь размытое пятно удаляющегося аварийно-спасательного корабля, мелькающего среди звёзд как малая лиловая блеска.

Он уловил гулкий звук: то ли треск упавшей обшивки, то ли слабый удар, перебой собственной крови. Обретая очертания, будто минувшее сновидение, появился робот. Черный, грязный как маслянистая лужа, отразившая солнце. Он остановился, хохотнул, обвёл хитрым взглядом изломанные стены и своды, но вдруг погрузился, заметив Джона.

– Как?! Разве вы не покинули станцию со всеми? Я думал, я, наконец остался один, хоть и выжил...

– Так это ты все натворил, да?! Взорвал станцию?! Что молчишь, ржавая ты кастрюля?! Вон как глаза забегали!

– Я вовсе не хотел причинить вред людям. Я хотел убить себя...

– Так ты же по нам долбанул!

– Как по вам? Я случайно неудачно упал в дирадиевую камеру.

– Случайно?

– Ну ладно, не совсем случайно. Но я даже долететь не успел, как меня отбросило взрывной волной на купол. А оттуда я уже по стеночке, по стеночке... Мои программы повреждены с рождения – я даже не могу прекратить свое брэнное существование по-человечески.

– Так ты и не человек. Это лишь подтверждает то, что ты-

таким подчиняешься Законам роботехники.

– Зато я теперь, как и хотел, черный! Настоящий эмо!

– Могу воткнуть тебе в зад розовое перо из икебаны мисс Лебовски для завершения образа. Ты не видел Жоржа?

Семиколон виновато блеснул глазами в синеватых лучах аварийного фонаря. Джон почувствовал свою незащищенность, открытость, он стал уязвим, весь на виду, на серо-серебряной ладони опустевшей станции.

***

Джон быстрым шагом прошёл по Полушкинскому переулку и упёрся в Полушкинский тупик, где, сидя на смотровой площадке у «Купола», ждал Семиколон.

– Здорово я все-таки придумал назвать переходы в свою честь. Чувствую себя как дома, но жены с тещей нет, – он удобно уселся в кресле, закинув ногу на ногу, закурил и выпустил дым в сторону робота, но не в лицо, а мимо, вдоль виска. – Когда с ними жил, то придумал единицу измерения вредности в 1 ТеЩ. Как-то сказал бывшей, что в её матушке вредности как в пяти средних тещах по 0,5. В итоге обе на меня окрысились от передаваемой по наследству вредности.

Семиколон наклонился вперед, поднял с пола высокий стакан, сдул с белой шапки утонувшего муравья и протянул напиток Джону.

– Угощайся.

– Муравьиное?

– Оно самое.

– Не спирт, конечно, но сойдёт, – Полушкин поднял к губам стакан, пил светлое, как янтарь, пиво, двигая сильным смуглым кадыком. – Крепкое, зараза. Давно хотел тебя спросить, Семиколон, откуда у нас взялись муравьи, и главное, как ты заставил их делать пиво?

– А-а-а, все очень просто, для робота... Разводить муравьев была очень плохая идея. Поэтому я решил попробовать. Заказал несколько муравьиных ферм, которые разбились при взрыве. А полгода назад я заметил, что что-то портит конструкции станции. Насколько я выяснил, с этим связаны муравьи. Во всех нормативных документах брожение значится естественным процессом в одном ряду с тлением и гниением. И хотя я так до конца и не разобрался, какие тонкости отличают окисление от того, как процесс жизнедеятельности муравьёв разъедает конструктивные элементы, но скажу тебе, пиво они делают отменное.

– Ничего не понятно, но ладно. Давай, помянем Жоржа. Уже год нет его с нами, а я до сих пор слышу по ночам цокот его коготков по стене, – Джон всхлипнул и злился пьяными слезами.

– Тихо-тихо! Кажется, они начинают!

В семи иллюминаторах купола загорелись гигантские карлики, меняли цвет – от белого и нежно-лазурного, до зловеще-фиолетового и кроваво-красного. Из пустынно-пышной

бесконечности в потоках млечного пути, в притихшем блеске, в тончайших, хрупких осколках комет, скрывались луны, выпуская клубящиеся тени и свет. И на этом холодном свете начинали просыпаться незримые существа, разминали затекшие мышцы, чистили короткие крылья, щупали воздух тревожными чуткими усиками.

«Рик-рин-рин!» – запел сверчок.

– Улни, как всегда, начинает, – узнал Джон солиста.

«Тин-ти-рорин!» – подхватил другой.

– А это Кубо, он всегда поёт про какого-то Рорина. Скучает, наверное, – вздохнул Семиколон.

«Коро-коро-коро!» – уверенный бас влился в общий хор.

– Ваки сегодня не в голосе, опять, подлец, съел что-то не то.

Сверху раздался страшный грохот, загремел, затрясся, врубаясь в мелодичные трели насекомых. Песнь оборвалась на самой высокой ноте и наступила тишина.

– Вот! – Полушкин поднял вверх указательный палец. – А что, если Жорж все ещё жив!

– Не думаю, что это так.

– А я все равно схожу, проверю. Откуда был звук?

– Кажется из лаборатории, но на твоём месте я бы туда не ходил. Слишком много там сейчас дыр.

– Тыры-пыры, неизвестно, где дыры! Все не пей, я быстро.

Он хотел проскочить мимо склада для хранения грузов, мимо ветрянкой полусферы, оставшейся после взрыва.

Но испытал вдруг такой ужас, такое острое предчувствие неизбежной близкой гибели, что метнулся наверх, привыкая к темноте, пугаясь, оглядываясь по сторонам милovidным круглым лицом, продолжал бежать, забывая упасть. Наконец ткнулся в открытую переборку лабораторного модуля и замер.

Небывалых размеров огненно-рыжий паук глянул на него выпуклыми сияющими глазами. В темноте он походил на громадного восьмилапого сенбернара, сидевшего в нелепой позе среди колб и пробирок.

– Жорж?! Ты вернулся? Это ты?! Нет, не ты! Но похож, черт возьми! – Джон схватил валяющуюся на полу железку, стал бить ею стене. – А ну кыш отсюда! Пошёл!

Паук резко вскинул передние лапки, потом развернулся задом и брызнул легкой туманной струйкой.

Полушкин со скрежетом ударился об угол, падая, опутанный клейкой сетью, подвернул ногу, скользнув над черным прогалом пустоты.

***

Медицинский модуль блестел стиральной белизной. Помятый дроид воткнул длинную иглу в надутую синюю вену и снял жгут.

– Сегодня что, День святого Йоргена?

– Ты помнишь, что с тобой произошло, – склонился над ним Семиколон, изображая заботу.

– Да. Там был паук, скорее всего Жорж. Но он был какой-то странный...

– Игрушкой безымянной? – предположил робот.

– Да нет, большой, с собаку ростом!.. Ай, нога!

– У вас повреждён мениск, операцию сделаем на следующей неделе, – скрипучим голосом сообщил дроид.

– А без этого никак? – Джон пугливо заглянул в близкое, квадратное лицо дрoида, как бы убеждаясь, что ему не делают зла.

– Исключено, но в будущем могут быть проблемы с коленями из-за кривых ног. Мы вам распилим кости, потом поставим их обратно, только прямо. Ноги станут ровными и красивыми, а с этими вам только на коне ездить или мотоцикле.

– Я, конечно, знал, что дроиды садисты, но блин, это неожиданно, – хмыкнул Полушкин, поднимаясь с кушетки. – Боюсь, что с моим везением вы мне либо ноги от стола приделаете, либо обе левые. Семиколон, пошли Жоржа искать! Это точно он. Он так всегда делает, когда я на него ругаюсь. Или шерстью плюется. Только он уж больно здоровый.

– Однако за время пути собака могла подрасти. А я тебе говорил, что ему нужен ветеринар.

***

– Жорж, я дома! – прокричал с порога уставший Полуш-

кин, целый день менявший створевшие будто нарочно предохранители.

Паук сидел на разорванном чемодане и подцеплял коготками правой средней лапки вакуумную упаковку мраморной говядины, разрезал ее и, воровато оглядываясь, запихивал в себя, при этом даже причмокивая от удовольствия и будто бы мыча.

– Ах ты членистоногий паскудник! Я и так тебя перекармливаю, морда ты лупоглазая! Вымахал вон! – он зашвырнул в Жоржа снятым с ноги ботинком. Тот смотрел во все восемь глаз, как обувь описывает над ним параболу, и когда раздался характерный звук удара об пол, ринулся в свое любимое место в шкафу, недоеденную говядину, конечно же, успел прихватить с собой.

Злиться на любимца Джон долго не мог и поэтому, когда тот выполз из укрытия, виновато прищуривая все глаза по очереди, забрался к нему на кровать, укладываясь на груди, перебирая лапками и усыпая затяжками новый комплект униформы, погладил его бархатистый панцирь, запуская ладонь в шерстку, пропуская волоски между пальцев и почесывая вдоль брюшка. Жорж убаюкивающе замурчал, словно это был и не паук вовсе, а самый настоящий кот или его индийское воплощение с большим числом конечностей.

В такие моменты на станции воцарялась идиллия, если не считать заунывные песни Семиколона, в сотый раз отмерявшего идеальную длину веревки для петли или нагревающего

свой корпус горелкой до нужной температуры, чтобы работали сенсоры и он мог спокойно утопиться в ванной.

***

Полушкин слышал рокот заработавших двигателей, трясение станции, гулы моторов. Машина теряла плавучесть, кренилась и, проваливаясь, вяло уходила с орбиты. Железный корпус наполнился стенаниями и скрежетом.

– Ипатьевская слобода! – Джон вскочил с кровати, наступил в лоток Жоржа и, чертыхаясь, выбежал в узкий коридор, наполненный красным сиянием.

Пробегая мимо служебного модуля, он влип в огромную паутину. Она прицепилась, прилипла к коже, не отставая. Уже не имея натяжения, не отпускала, и Джон до самого капитанского мостика чувствовал себя на тончайшем поводке, который оставался в чьих-то руках.

В углу, прислоненный, стоял Семиколон, обшарпанный, чёрный как школьная доска. По панели управления, ползал Жорж, мял лапками россыпи бледно-синих кнопок.

Станция летела по огромной, опоясывающей дуге, прямоком к Земле, оставляя шлейф рёва.

– Собирай свои болты, суицидник, мы летим домой! – ликующе выкрикнул Полушкин.

Внезапно движение остановилось, а потом станция качнулась в обратную сторону.

– Нет, нет! Стой! Куда! – в отчаянии закричал Полуш-

кин. – Плохой паук, плохой! Мы теперь навсегда здесь останемся! Навсегда! – он упер ладони в колени, вытянул крепкую шею и завыл как раненый зверь.

По грустному лицу Семиколона пробежали мимические трещины-морщины.

***

Работа с папкой: «Выписки из бортового журнала» завершена. Файл: «Орбитальная станция Веган-6» закрыт.

Рыжая девочка, пушистая, как золотая куделя, протерла уставшие немигающие глаза пухлыми лапками и выключила компьютер.

– Ма-ам! А папа скоро вернётся?

– Не знаю, Хелицерия, – донеслось из кухни.

– Но ведь все учёные давно вернулись, как только сломалась человеческая ферма, а папы все нет и нет, – вздохнула Хелицерия, вытирая мокрые ресницы щупиками.

– У папы другое задние. Он изучает жизнь человека вне общества, ты же сама знаешь.

– Знаю, мам. А может, мы заведём себе человека, а?

– Нет, они очень дорогие и едят много.

– Ма-ам, а что, человеку обязательно все время есть?

– Да! Для него это смысл жизни. Как для нас с тобой...

Иди ешь своих «Таракуши» и спать. В рекламе заверяют, что в них тереть на тридцать процентов больше тараканов за те же деньги.